

18+

Зэт Икс Холлоу

**Ленинградский
счетчик**

Зэт Икс Холлоу

Ленинградский счетчик

«Издательские решения»

Холлоу З.

Ленинградский счетчик / З. Холлоу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700459-6

Ленинград 2026 года — город, застывший между эпохами: старые трамваи и новые технологии, вывески «ЛенЭнерго» и тень прошлого. Когда в городе появляется серийный убийца, маскирующийся под электрика, молодой следователь Александра Савельева вместе с циничным и травмированным напарником Юрием Тереховым вступает в расследование, которое приведет их к теневым архивам «Черного счётчика» — организации, десятилетиями управлявшей чистками и заказными убийствами.

ISBN 978-5-00-700459-6

© Холлоу З.

© Издательские решения

Содержание

«Ленинградский счетчик»	6
Пролог. «Мастер»	7
Глава 1. «Новый человек»	8
Глава 2. «Ледяной»	9
Глава 3 (фрагмент). «Разговор с прошлым»	11
Глава 4. «Ремонтный участок №7»	12
Глава 5. «Ржевка. Ночь»	14
Глава 6. «Счетчик не врет. Эпилог (временный)»	16
Глава 7. «Шепот в изоляторе»	17
Глава 8. «Педагог»	18
Глава 9. «Петергоф. Кукловод»	19
Глава 10. «Красная кнопка»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ленинградский счетчик

Зэт Икс Холлоу

© Зэт Икс Холлоу, 2026

ISBN 978-5-0070-0459-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ленинградский счетчик»

***Жанр:** Детектив / Психологический триллер*

***Время действия:** 2026 год (но Ленинград не переименован).*

***Ключевой визуальный код:** СССР 70—80х, но с современными технологиями (кнопочные таксофоны, старые «Волги» с электромоторами, гибридный антураж).*

Пролог. «Мастер»

Октябрь 2026. Ленинград, Василеостровский район.

В подъезде пахло мазутом, старой штукатуркой и вареными пельменями. На стене висел герб СССР, изрядно поцарапанный велосипедным рулем — его повесили в незапамятные времена и больше не снимали. Свет в лампе на лестничной клетке мигал с частотой аритмичного сердца.

Мужчина в синей форменной куртке «ЛенЭнерго» поправил сумку через плечо. На бейджике — размытая фотография и номер 447. Он посмотрел на дверь квартиры 43. Коричневый дерматин, оббитый ржавыми гвоздями. Звонок — древний, тумблерный.

— Энергосбыт, проверка счетчика, — сказал он в домофон, хотя дверь в парадную была открыта. Так надо. Так правильно.

Ему открыла женщина лет пятидесяти, в халате с драконами. Она не спросила документы. В Ленинграде 2026 года никто не спрашивал документы у человека в форме «ЛенЭнерго». Война? Ковид? Переименование города обратно? Всё это было, но привычка доверять энергетикам оказалась сильнее.

— Проходите, а то у меня стирка, — вздохнула она.

Он прошел. Счетчик висел в коридоре, прямо над панцирной кроватью. Мужчина щелкнул тумблером. Свет погас. Женщина охнула.

— Не волнуйтесь, гражданка, временное отключение. Надо проверить целостность магнитной пломбы.

Он достал из сумки не мультиметр. Он достал шило. Длинное, тонкое, отточенное как слесарный инструмент, но предназначенное для другого.

Она не успела закричать. Во-первых, потому что он был сильным. Во-вторых, потому что в городе, который застрял между эпохами, люди разучились кричать. Они привыкли терпеть.

Через сорок минут он аккуратно вытер руки спиртовой салфеткой, заклеил пломбу и снова щелкнул тумблером. Свет зажегся. Тело осталось лежать там, где ему и положено — на кафельном полу, выложенном еще при Брежневе.

Уходя, он поправил табличку на двери: «Просьба мусор не ставить».

На лестнице его никто не встретил. Лифт не работал. Ленинград спал (или делал вид).

Глава 1. «Новый человек»

Управление внутренних дел Ленинградского горисполкома (так по-прежнему значилось на вывеске) находилось в здании, которое помнило еще блокаду. В кабинете 317 пахло махоркой, перекисью и отчаянием.

Александра Савельева сидела на расшатанном стуле и сжимала в руках удостоверение. Двадцать три года. Выпускница юридического факультета ЛГУ (имени Жданова — вывеска тоже сохранилась). Первая неделя в должности следователя городского сыска.

— Значит так, Савельева, — майор Чупринин, начальник отдела, даже не поднял головы от бумаг. — У нас тут не кино про Эраста Фандорина. У нас тут трупы. И твое дело — сидеть в архиве и набираться ума.

— Товарищ майор, в городе третье убийство за месяц с почерком «энергетика». — Александра старалась говорить твердо, но голос предательски вибрировал. — Жертв разделявают перед счетчиком. Это серия. Если мы не начнем...

— Если мы начнем паниковать из-за каждого маньяка, — перебил Чупринин, — то кто будет расследовать пьяные драки в Купчино? Ты, юное дарование? Садись в машину времени и езжай в Москву, в главк. А у нас тут, между прочим, только что трубу прорвало на Литейном и две заявки на угон «Жигулей».

Он замолчал. Потом тяжело вздохнул, почесал бровь и посмотрел на Александру так, как смотрят на неизлечимых больных.

— Ладно. Но. Только под началом Терехова.

По коридору прокатился странный звук — не то смешок, не то вздох ужаса. Савельева не поняла.

— Юрий Сергеевич Терехов? — переспросила она. — Это который «ледяной»?

— А ты откуда знаешь?

— Шепчутся в курилке, — честно призналась Саша. — Говорят, что он лучший. И что он... немного того.

— Немного того, — эхом повторил майор. — Он, Савельева, прошел Чечню (но не нашу, а ту, параллельную, где стреляли макаронами по танкам — шутка местных). У него семью зарезали в девяносто первом. Жена и дочь. Не нашли никого. С тех пор он не пьет, не курит, не спит нормально и не верит ни одному живому существу на этой гребаной земле. А теперь иди знакомься. Он в триста двенадцатом.

Глава 2. «Ледяной»

Кабинет 312 был пугающе пустым. Никаких фотографий, ни одной кружки, даже календарь висел прошлогодний — с видом на Петергоф. За столом сидел мужчина лет сорока пяти, хотя выглядел на все шестьдесят. Седые виски, глубокие морщины вокруг губ, глаза цвета промокшего бетона.

Юрий Терехов даже не поднял головы, когда Саша вошла.

— Чайник, — сказал он, указав на электроплитку. — Вода в графине. Кружку помой.

Она растерялась.

— Я следователь Савельева. Меня прикрепили к вам по делу «энергетика».

— Я не просил. — Он открыл папку. — Умеешь читать протоколы вскрытия?

— Да.

— Соврешь — выкину из кабинета.

— Не совру.

Терехов наконец поднял на нее взгляд. Изучал долго, как дефектоскоп — сварной шов. Она выдержала. Только побелела слегка.

— Садись, — бросил он. — И смотри.

Он разложил на столе три фотографии. На каждой был изображен один и тот же элемент интерьера: старый электросчетчик, а под ним — тело. Женщина, мужчина, снова женщина. У всех были странные раны — не ножевые, не пулевые. Аккуратные, почти хирургические проколы в области шеи и запястий.

— Он их обесточивает, — сказал Терехов сухо. — Как лампочки. Сначала щелкает тумблером. Потом делает свое дело. Потом включает свет обратно.

— Но зачем? «Ритуал?» — спросила Саша.

— Не знаю. И мне плевать на «зачем». Меня волнует «кто». И его маршрут. Третья жертва — Заневский проспект, дом 18. Первая — на Малой Охте. Вторая — Приморская, старая застройка. Найди закономерность.

— Это районы с ветхими сетями, — сказала Александра, даже не задумываясь. — Где «ЛенЭнерго» постоянно проводит плановые проверки. Он маскируется под их график. Нужно запросить списки сотрудников, выезжавших на эти адреса...

— Гениально, — перебил Терехов. Голос его не стал теплее. — Только эти списки уже запросил я. Три дня назад. И знаешь, что мне сказали? «Ваш абонент выключен». Бумаги исчезли. Кто-то в «ЛенЭнерго» либо крышует нашего друга, либо боится так, что готов сжечь архив.

Он встал, подошел к заляпанному окну. За стеклом — Ленинград. Адмиралтейская игла, троллейбусы с рогами, вывеска «Мороженое» советскими буквами. И по Невскому едет Tesla — новенькая, бесшумная. Антуражный разрыв.

— Знаешь, Савельева, что самое страшное в нашем городе? — спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— Что он не меняется. И люди в нем — тоже. Мы ловили маньяков в семидесятых. Ловим сейчас. А через пятьдесят лет кто-то вроде тебя будет сидеть на этом стуле и смотреть на такие же фотографии. Потому что тьма — она не из девяностых. Она из нас.

Александра промолчала. Внутри нее что-то щелкнуло — как тот самый тумблер в коридорах жертв.

— Я не боюсь, Юрий Сергеевич, — сказала она наконец.

— Зря, — ответил Терехов. — Бояться — это единственное, что отличает живого от трупа. А теперь поехали. Надо потрясти одного электрика, который слишком много знает.

Он накинул старый плащ — выцветший, но дорогой, похоже, еще восьмидесятых годов.
И вышел, не дожидаясь, пойдет ли она за ним.

Александра пошла.

Глава 3 (фрагмент). «Разговор с прошлым»

Машина Терехова — «Волга» 24—10, но с электродвигателем и навигатором на панели — стояла у подъезда. Внутри пахло кожей и документами. Саша устроилась на переднем сиденье.

— У вашей семьи... — начала она осторожно. — Мне рассказали.

— Врешь. Тебе шепнули. И это не повод лезть в душу. — Терехов завел двигатель, который издал звук, похожий на вздох кита. — Я работаю, Савельева, чтобы не убить себя. Ты работаешь, чтобы что? Амбиции? Мамочка гордилась?

— Чтобы никто больше не щелкал тумблером в чужих квартирах, — ответила она тихо.

Терехов на мгновение замер. Повернул голову. Впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или хотя бы на отсутствие презрения.

— Держи, — он протянул ей диктофон «Электроника-008», допотопный, но работающий. — Записывай всё, что говорит этот электрик. А если он попытается ударить — бей первой. В Ленинграде, будь он хоть из будущего, прошлое не прощает слабаков.

Они вышли из машины у обшарпанного здания бывшего ПТУ. Над входом висела табличка: «ЛенЭнерго. Ремонтный участок №7». И чуть ниже — знак молнии. Тот самый.

Савельева нажала кнопку диктофона и подумала: «Если мы поймаем его, Терехов, может быть, ты наконец увидишь во мне коллегу. А не разменную монету».

Внутри здания горел желтый свет. И что-то жужжало. Не трансформатор — скорее, сама тишина, сгустившаяся за дверью, за которой их уже ждали.

Глава 4. «Ремонтный участок №7»

Здание бывшего ПТУ пахло озоном, машинным маслом и чем-то сладковато-приторным — то ли старые пожарные рукава, то ли дешевый табак, которым здесь курили годами. Коридор освещали лампы дневного света, которые гудели на одной ноте «ми». Саша невольно поежилась.

— Слушай, — сказала она, поравнявшись с Тереховым. — Почему мы идем вдвоем? Надо было группу захвата.

— Потому что группа захвата — это шум, — ответил Терехов, не сбавляя шага. — А наш свидетель — пугливая птица. Кричи «ФЭС» — и он улетит через чердак.

— Откуда вы знаете, что он свидетель, а не подельник?

— Оттуда, Савельева, что подельники не пишут анонимки на бланках квитанций за свет. Это или акт гражданского мужества, или шизофрения. И то и другое лечится разговором.

Они остановились у двери с табличкой «Диспетчерская». Ручка — облезлая, алюминиевая. Терехов постучал. Три коротких, два длинных.

— Кого там леший принес? — раздалось изнутри.

— Сыск. Открывай, Семеныч.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочке. В щели показался глаз — красноватый, бегающий.

— Один, — сказал голос. — А второй кто?

— Стажер. Не кусается.

Цепочка звякнула. Дверь открылась.

Диспетчерская оказалась тесной комнатухой, заваленной старыми журналами «Энергетик» и ржавыми деталями счетчиков. За столом, заваленным окурками, сидел мужчина лет шестидесяти — щуплый, с дрожащими руками. На воротнике кителя — знак «ЛенЭнерго» и пятно от борща.

— Терехов, — сказал он, как заклинание. — Ты по тем письмам? Я же просил — не светиться. Меня уволят, если узнают, что я стукач.

— Не уволят, если мы поймаем твоего «энергетика» раньше, чем твое начальство найдет повод тебя вышвырнуть. — Терехов сел напротив, не дожидаясь приглашения. — Говори.

— Страшно, — прошептал Семеныч. — Он же не просто убивает. Он... он на работе у нас числится. Я проверил по базе. А база у нас — еще с восьмидесятых, перфокарты, но я перевел в цифру. Смотри.

Дрожащими пальцами он развернул пожелтевший лист. Список сотрудников, выезжавших на проверки в указанные районы. И одно имя было обведено красным фломастером: **Корнеев В. Г.**

— Вадим Геннадьевич Корнеев, — прошептал Семеныч. — У нас работает пять лет. Тихоня. Всегда один. Ни с кем не пьет. И у него... у него ключи от всех парадных. От всех щитковых. Он может зайти куда угодно.

— Адрес? — коротко спросил Терехов.

— Снял квартиру на Ржевке. Точнее — не снял. Вселился по поддельному ордеру. Я проверил.

Терехов посмотрел на Сашу. Она уже достала диктофон и записывала каждое слово.

— Савельева, — сказал он спокойно, как на лекции. — Что мы делаем дальше?

— Берем ордер на обыск, — ответила она. — Но, если он узнает, что мы идем, — улики пропадут. Значит, сначала наружное наблюдение.

— Правильно. А потом?

— Потом... — Саша замялась. — Потом войдем, когда он выйдет на охоту.

— Неправильно. — Терехов поднялся. — Потом мы войдем сегодня ночью. Без ордера. Потому что завтра он снова убьет.

Семеныч побледнел еще сильнее.

— Вы меня не подставите?

— Мы? — Терехов усмехнулся. — Мы — нет. А вот совесть — это уже твои проблемы.

Он вышел. Саша — за ним. В коридоре она схватила его за рукав.

— Без ордера — это же вылет с работы. И меня, и вас.

— Послушай, девочка. — Терехов повернулся к ней. — Моя семья сгнила в земле двадцать пять лет назад, потому что кто-то ждал ордера. Я больше не жду. Если хочешь — звони Чупринину. Если нет — поехали.

Она посмотрела на его лицо. В желтом свете ламп оно казалось высеченным из гранита.

— Поехали, — сказала она.

Глава 5. «Ржевка. Ночь»

Ржевка — место, где Ленинград окончательно сдавал позиции деревне. Пятиэтажки хрущевской постройки, гаражи-ракушки, пустыри с редкими фонарями. В 2026 году здесь по-прежнему не работал интернет, а асфальт помнил еще тракторы 1974 года.

Машину Терехов оставил у гаражей, в трех кварталах от дома Корнеева. Дальше шли пешком, стараясь не хрустеть стеклом.

— Дом 17, корпус 2, — прошептал Терехов. — Квартира 89. Пятый этаж. Лифт не работает.

— Классика, — буркнула Саша.

Парадная встречала их запахом кошачьей мочи и прелой штукатуркой. Домофон сломан. Дверь в подъезд — на матерой веревке. Они поднялись на пятый этаж. Терехов достал отмычки — старый, кожаный футляр, хранившийся в кармане плаща.

— Ты умеешь? — шепотом спросила Саша.

— Нет, я для красоты достаю. — Он вставил инструмент в замок. Через 10 секунд раздался тихий щелчок.

Дверь открылась бесшумно. Внутри квартиры было темно. И тихо. Слишком тихо.

Терехов включил фонарик (советский, квадратный, но с мощным светодиодом — еще один гибрид эпох). Луч выхватил прихожую. Обои в цветочек. Вешалка с дубленкой. И... запах. Сладковатый, тяжелый. Саша уже знала этот запах — она чужала его в морге на первом курсе.

— Он здесь, — одними губами сказала она.

Терехов кивнул и двинулся дальше. Из коридора они попали в комнату. Пустую. Несколько стульев, стол, на стене — портрет Ленина, истыканный иглами для черчения. И больше ничего.

А потом они услышали звук. Щелчок.

И свет погас.

— Савельева, назад! — заорал Терехов.

Но было поздно. Кто-то (или что-то) метнулось из темноты. Саша почувствовала, как холодная металлическая рука сжала ее запястье. Острый край шила коснулся кожи прямо над пульсирующей веной.

— Здравствуйте, — прошептал голос. Спокойный, почти приветливый. — Вы из ЖЭКа? А у меня счетчик барахлит.

Саша не закричала. Она сделала то, чему ее учили на курсах самообороны (и что Терехов повторил ровно четыремя часами ранее): резко ударила пяткой по голени нападавшего, повернулась и вцепилась зубами в его руку.

Корнеев взвыл. Шило звякнуло об пол. В ту же секунду Терехов включил фонарик, наставил на лицо убийцы, и они увидели его впервые.

Обычное лицо. Очень обычное. Таких — сотни в ленинградском метро. Серые глаза, рыжеватые усы, кепка-восьмиклинка. И улыбка — по-детски удивленная.

— А вы быстрые, — сказал Корнеев. — Не как те.

Он вырвался — невероятным, звериным рывком — и бросился к окну. Пятый этаж.

— Стоять! — крикнул Терехов, выхватывая табельный (разрешение на ношение у него было, но Саша не знала, что он носит оружие).

Корнеев не встал. Он прыгнул — не на улицу, а вверх, на карниз, потом на пожарную лестницу. Старое здание, приспособленное для побегов, словно специально.

— Уйдет! — выдохнула Саша.

— Нет, — сказал Терехов и выстрелил.

Один раз. Коротко. Пуля не убила — срикошетила о перила. Но Корнеев пошатнулся, потерял равновесие и рухнул на площадку этажом ниже. Раздался хруст — сломана нога или ребра.

Терехов спустился первым. Саша — за ним, ловя ртом воздух, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Корнеев лежал на бетонном полу, скрючившись, но улыбался той же улыбкой.

— Вы меня не убьете, — прохрипел он. — Я нужен вам живым. Чтобы понять. Почему. Зачем.

— Мне плевать, зачем, — снова повторил Терехов. — Савельева, наручники.

Она достала браслеты. Руки не дрожали — ни капли. Она сделала это. Они сделали это.

Внизу уже завывала (по-советски, с сиреной) подъехавшая оперативная группа. Кто-то вызвал — то ли Семеныч, то ли сосед по парадной, услышавший выстрел.

— Юрий Сергеевич, — спросила Саша, когда Корнеева уводили. — А вы знали, что он дома?

— Нет.

— Тогда зачем пошли?

Терехов посмотрел на нее. Впервые за весь день — без стали в глазах.

— Потому что, Савельева, иногда единственный способ поймать монстра — это войти в его логово с пустыми руками. И надеяться, что ты выйдешь первым.

Он помолчал.

— Ты сегодня была хороша. Не потому, что ударила его. А потому, что не замерла.

В его голосе не было одобрения. Но не было и обычного ледяного презрения.

Саша кивнула. Они стояли на продуваемой всеми ветрами лестнице, в городе, который назывался Ленинградом в 2026 году, и впервые за долгое время Савельева почувствовала, что у нее есть не только дело, но и напарник.

Глава 6. «Счетчик не врет. Эпилог (временный)»

Допрос занял пять часов. Корнеев говорил охотно — слишком охотно. О своих жертвах он рассказывал, как о поломанных приборах: «Счетчик у нее шел неправильно. Потребляла чужую энергию. Я просто отключил». Психиатрическая экспертиза признает его вменяемым — расчетливым, холодным, с собственным чудовищным кодексом.

В кабинете 312 Саша пила чай из кружки, которую наконец-то помыла. Терехов сидел напротив и смотрел в окно. За стеклом — Ленинград. Троллейбусы, старые вывески, и человек в новой куртке, идущий по обледенелому тротуару.

— Возьми папку, — сказал Терехов.

— Какую?

— Следующую. Там пропавший подросток в Колпино. Не наша подоплека, но что-то мутное.

Александра улыбнулась.

— То есть вы не хотите от меня избавиться?

— Хочу. — Он повернулся. — Но ты, Савельева, как ржавчина. Прилипаешь. А главное — иногда оказывается полезной.

Она взяла папку и открыла. Первая страница: «Заявление о пропаже без вести». Фотография девочки двенадцати лет, очень серьезной, с косичками.

— Выежаем, — сказала Саша.

— Выежаем, — ответил Терехов, уже поднимаясь и накидывая плащ.

Они вышли в коридор, залитый желтым светом. Дверь закрылась за ними с негромким щелчком.

Совсем не таким, как тот.

Глава 7. «Шепот в изоляторе»

Следственный изолятор «Кресты-2» — здание из стекла и бетона, построенное в 2020 году, но стилизованное под дореволюционные казармы. Внутри, однако, царил полный ретро-футуризм: электронные замки на дверях камер, но при этом стены украшали портреты Дзержинского и плакаты «Береги электроэнергию!».

Савельева сидела напротив Корнеева через решетку. Терехов наблюдал через одностороннее стекло в соседней комнате, попивая остывший кофе из алюминиевой кружки.

Корнеев выглядел... спокойным. Даже умиротворенным. Сломанная нога была загипсована, на лице — ни тени раскаяния.

— Гражданин Корнеев, — начала Саша официально. — Вы признаете себя виновным по трем эпизодам убийств?

— Признаю, — пожал плечами он. — Но, знаете, это как вскрыть сломанный счетчик. Убираешь неисправный элемент из сети — и система работает лучше.

— Это люди были, — жестко сказала Саша. — Люди!

— Люди, которые потребляли больше, чем давали. — Корнеев улыбнулся. — Энергетический вампиризм. В прямом смысле.

Терехов за стеклом поморщился. Ему этот разговор уже надоел.

Но потом Корнеев наклонился вперед, насколько позволяла цепь, и понизил голос до шепота:

— А вы, лейтенант Савельева, не хотите узнать? Откуда я знал, к кому идти? Кто давал мне адреса? Кто сказал, что жена вашего напарника... ну, вы поняли.

Саша замерла. Ее рука, державшая ручку, побелела.

— Что вы сказали?

— У Юрия Сергеевича Терехова убили жену и дочь. В девяносто первом. Классическое «не раскрыто». А вы знаете, что тремя неделями ранее к ним в квартиру приходил электрик? По вызову. Поменять пробки. Мать девочки сказала соседке: «Какой вежливый молодой человек. Даже документы показал». И никто не запомнил лица. Никто. — Корнеев откинулся назад и уставился в потолок. — А я бы запомнил.

— Вы хотите сказать... — голос Саши дрогнул, — что убийца его семьи — это...

— Нет. — Корнеев рассмеялся — глухо, неприятно. — Не я. Я тогда в тюрьме сидел. По другой статье, мелкой. Но того человека, который пришел к Тереховым с отверткой и шилом, я знаю. И он до сих пор на свободе. И он до сих пор работает в «ЛенЭнерго». И он — мой учитель.

В комнате наблюдения Терехов резко выпрямился. Кружка выпала из рук, кофе разлился по столу. Он ничего не замечал. Он смотрел на Корнеева через стекло — и впервые за двадцать пять лет его ледяное лицо дрогнуло.

Глава 8. «Педагог»

Саша вышла из камеры белая, как мел. Терехов ждал ее в коридоре, прислонившись к стене.

— Вы слышали? — спросила она.

— Я слушал.

— Он сказал «учитель».

— Я не глухой.

Терехов двинулся к выходу быстрым шагом, почти бегом. Саша едва поспевала.

— Вы верите ему?

— Нет. — Он нажал кнопку лифта. — Но проверю.

— И что вы будете делать, если это правда? Если тот, кто убил вашу семью, до сих пор в форме «ЛенЭнерго» ходит?

Лифт открылся. Терехов вошел, уставился в свое отражение в зеркальной стене.

— Убью, — сказал он очень спокойно. — Не на допросе. Не в камере. Просто убью.

— Юрий Сергеевич, вы же следователь...

— Я был следователем, Савельева. Двадцать пять лет. А теперь я — человек, который узнал, где похоронена его жизнь.

Они вышли на улицу. Ленинградский ветер с Финского залива хлестал в лицо. Саша вдруг подумала: если Корнеев — лишь ученик, то что за монстр — мастер? И сколько их еще?

Она достала телефон (новейший «iPhone 18 Pro», на котором была наклеена пленка под старую телефонную трубку). Открыла базу данных «ЛенЭнерго», которую им вчера передал Семеныч.

— Корнеев начал работать в 2021 году. В его личном деле указан наставник — некий инженер, который проводил с ним первичный инструктаж. — Она подняла глаза. — Фамилия — **Тиходеев**. Георгий Ильич Тиходеев.

— Тиходеев? — переспросил Терехов. — Это тот самый легендарный электрик? Который еще в 80-х курировал всю Василеостровскую сеть? Он же...

— Он до сих пор числится в штате, — закончила Саша. — Как внештатный консультант. Ему 73 года. Живет в Петергофе. И, судя по отметкам в журналах, именно он давал Корнееву адреса для «плановых проверок».

Терехов сел в «Волгу». Завел мотор. Глянул на Александру.

— Ты со мной?

— А вы сомневаетесь?

Он не ответил. Машина сорвалась с места, чудом не задев троллейбус.

Глава 9. «Петергоф. Кукловод»

Дом Тиходеева стоял в глубине старого парка, почти у самого залива. Двухэтажный особнячок дореволюционной постройки, но с современной солнечной панелью на крыше. Аккуратный заборчик, видеокамеры под старину — стилизованные под фонари.

— Место силы, — прокомментировала Саша. — Слепок ума владельца.

— Или его паранойи, — буркнул Терехов.

Они вышли из машины. Никто их не встречал. Калитка была приоткрыта — словно их ждали.

— Не нравится мне это, — сказала Саша.

— Мне тоже. Но другого пути нет.

Они прошли по выложенной старым кирпичом дорожке. Дверь открылась до звонка — бесшумно, автоматически.

Внутри пахло лавандой и старыми книгами. Гостиная была заставлена приборами — радиолы, телевизоры «Рекорд», но среди них — современный ноутбук и многоканальная система прослушки. На стене висела огромная карта Ленинграда, вся в булавках и нитях.

— Здравствуйте, — раздался голос из глубины комнаты. — Я ждал вас раньше. Корнеев слишком рано раскололся. Неопытный. Жаль.

Из полумрака вышел старик. Высокий, прямой, с серебряной шевелюрой и цепкими светлыми глазами. На нем был старый советский китель «ЛенЭнерго» — идеально выглаженный, с золотыми нашивками.

Георгий Ильич Тиходеев улыбнулся. Улыбка была доброй — как у любимого дедушки.

— Присаживайтесь, молодые люди. Чай будете? Хотя... — он посмотрел на Терехова, — вы, кажется, предпочитаете кофе. Черный. Без сахара. Ваша жена, кстати, тоже любила черный кофе. Перед смертью выпила две чашки.

Терехов замер. Побелел так, что стали видны все вены на висках.

— Вы... — прохрипел он.

— Я, — кивнул Тиходеев. — И серийный убийца в моем исполнении — это всего лишь увертюра, Юра. Еще с 1991 года. Ты думал, что твоя семья — это несчастный случай? Ограбление? Нелепая случайность? Нет. Это была проверка. Мне нужно было понять, могу ли я убивать не просто тела, а души. Ты — мой главный эксперимент. Как ты живешь двадцать пять лет? Как ты работаешь? Как ты не сошел с ума? Я наблюдал. Всегда наблюдал.

Саша почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

— Зачем? — прошептала она.

— Зачем? — Тиходеев рассмеялся — чисто, звонко, почти по-детски. — Затем, милая, что мир потребляет слишком много энергии. Все эти люди — они как старые лампы накаливания. Греют воздух, не давая света. А я — я меняю систему. Я выбраковываю. И Тереховы были просто... бракованной партией. Но ты, Юра, оказался удивительно живучим. Я даже зауважал.

Он медленно подошел к столу, открыл ящик. Терехов мгновенно выхватил пистолет.

— Не надо, — спокойно сказал Тиходеев. — Там не оружие. Там пульт. — Он поднял небольшое устройство с красной кнопкой. — Я заминировал этот дом. Давно. Если я нажму — мы все полетим в небо. Но зачем? Я хочу предложить вам сделку.

— Никаких сделок, — стальным голосом сказал Терехов.

— А ты дослушай. — Глаза Тиходеева сузились. — Я тебя научу. Я научу вас обоих. Как ловить таких, как я. Потому что я — не первый. И не последний. В Ленинграде, в этом городе-призраке, всегда были и будут кукловоды. Я просто один из. Но без меня вы не поймете систему.

— Ты псих, — выдохнул Терехов.

— Нет. — Тиходеев покачал головой. — Я учитель. И вы — мои лучшие ученики. — Он перевел взгляд на Сашу. — Ты, девочка, поняла это уже, да? Почему ты еще не выстрелила? Потому что внутри тебя щелкнуло. Счетчик переключился. Ты поняла, что я прав.

Саша молчала. Потому что — о, ужас — внутри нее действительно что-то щелкнуло.

Он был прав. Убийца их семьи, кукловод, был здесь. И он не боялся. Он ждал их. Он знал, что они придут.

И он действительно знал, где еще спрятаны чудовища, которые они даже не видели.

Глава 10. «Красная кнопка»

— Что ты хочешь, Тиходеев? — спросил Терехов. Голос его звучал ровно, но пистолет не дрожал.

— Хочу дожить свой век в покое. — Старик сел в кресло. — Я стар. Мне недолго осталось. Но я хочу, чтобы мое знание — знание о том, как работают люди как сети, как напряжение, как страх — не пропало. Вы продолжите мое дело. Не убивать. Искать. Понимать. Ловить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.